

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 291.336(368)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.92-102

И СНОВА О КЛЯТВЕ РУСОВ... (ОТВЕТ Д.В. ПУЗАНОВУ)

О.Л. Губарев

Газета «Троицкий вариант – Наука», г. Троицк, 142191, Россия

Аннотация

Статья является ответом на критику со стороны Д.В. Пузанова. Рассмотрена критическая аргументация и изложены контраргументы. Приведены новые аргументы в пользу гипотезы о том, что клятва русов-язычников при заключении договоров с греками предусматривала волшебное «побиение» нарушителей клятвы их собственным «ожившим» оружием. Проанализированы изображения скандинавских орнаментов, демонстрирующие «живое» оружие, способное действовать независимо от человека. Представлены примеры потребительского отношения скандинавов к своим богам, рассматривавшегося как своего рода договор о помощи божества своему почитателю. Приведены ссылки на историографические источники, подтверждающие мнение о том, что скандинавы и русы воспринимали оружие как живое существо, имеющее свою биографию и судьбу и способное действовать самостоятельно, «оживать» и «умирать».

Ключевые слова: «живое» оружие, нид, русы, клятва, нарушение договора, нападение оружия на нарушителей

Прежде всего, мы хотели бы поблагодарить Д.В. Пузанова за критику нашей статьи [1], посвященной клятвам русов и славян при заключении Игорем мирного договора с греками [2]. Любая критика, заставляющая глубже задуматься над исследуемым вопросом, должна только приветствоваться. Для ответа на критику постараемся отделить факты от их интерпретации. Факты же таковы.

В опубликованной нами статье была выдвинута гипотеза о том, что клятва русов-язычников Игоря при заключении договора с греками предусматривала в случае его нарушения волшебное «побиение» воинов их собственным оружием. Были приведены примеры из «Саги о Ньяле», в которой такое волшебное нападение своего же оружия на воинов имеет место в связи с отступничеством викинга Бродира, нарушившего свой договор с богом. Также был приведен пример из «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде», где оружие, висящее на стене, «оживает» и нападает на воинов после произнесения Торлейвом хулительной песни (нида).

Норманны рассматривали свои отношения с божествами скандинавского пантеона как *договор*¹. Норманн приносил жертвы своему божеству, а оно

¹ Выделение курсивом наиболее значимых деталей по всему тексту наше. – О.Г.

должно было обеспечить ему удачу в торговле, победу в битве и т. д. В случае невыполнения божеством своей части договора и неоказания своему почитателю помощи норманн мог отказаться от поклонения божеству и от веры в богов, как, например, рассказывается в «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра» (ИС, с. 38). О подобном же весьма прагматичном отношении к богам у русов сообщает араб Ибн-Фадлан, побывавший у русов на Волге [3. с. 142–143]. Поэтому Бродир, нарушивший свой договор с богом, должен был, согласно представлениям скандинавов, подвергнуться божественной каре.

Основной тезис Д.В. Пузанова, если мы его правильно поняли, заключается в том, что при нарушении клятвы воины гибнут от своего оружия вследствие заклятий колдунов, магии и воли богов, в частности Перуна. Любые заклятия, магические заклинания и колдовство подразумевают наличие актора, того, кто заклиняет, кто накладывает эти заклятия, – мага, волхва, колдуна, волшебника. Волей богов можно объяснить любые события, что постоянно и имело место в раннем Средневековье.

Однако в тексте договора русов с греками абсолютно нет намека на какое-либо колдовство, сопутствовавшее заключению договора, или присутствие среди представителей договаривающихся сторон магов, волхвов или колдунов.

Д.В. Пузанов считает спорным тот факт, что сам вид наказания за нарушение договора, встречавшийся только у одного народа – скандинавов, может служить этническим маркером. Однако в этом не сомневался А.А. Котляревский, который полагал клятву славян с бросанием камня в воду таким же этническим маркером, как и клятва скандинавов на оружии [4, с. 161–162]. Также рассматривает клятву русов как этнический маркер и В.В. Кулешов [5. с. 257].

Ритуал, в частности принесение клятвы, мог иметь практическое значение и при этом являться этническим маркером с учетом общности пространства и времени². Отметим, что Д.В. Пузанов, не считая клятву русов этническим маркером, все же не усомнился в скандинавской природе последних. Думается, что значительное количество работ, посвященных клятве русов, говорит о том, что историки рассматривают эту клятву именно как этнический маркер, указывающий на скандинавскую природу русов. Например, так считают Е.А. Мельникова, А.А. Фетисов, М.Х. Эриксен и др. [6–8].

Попытки оспорить приведенную позицию предпринимаются исключительно антинорманистом А.А. Романчуком, который, в отличие от того же Д.В. Пузанова, считает русов отнюдь не северными германцами, скандинавами, а западными славянами. Однако попытки А.А. Романчука найти славянские аналоги скандинавским клятвам на оружии вряд ли можно признать убедительными [9].

Определение русов как северных германцев представляется слишком обобщенным. Русы были не просто северными германцами, то есть скандинавами. Русы Рюриковичей были «быстроногими» данами, согласно свидетельству Титмара Мерзебургского и двум византийским хроникам [10].

² По исторической сцене прошло такое количество разных племен и народов, что где-то во времени на какой-то территории подобные практики могли и встречаться. Здесь важно соответствие рассматриваемого обряда временному промежутку – IX–XI вв. – и территории Северной и Восточной Европы. А.А. Романчук в своей статье о клятвах русов и славянских, германских и кельтских параллелях этим клятвам как раз нарушает упомянутый принцип, приводя аналоги клятве русов, значительно отстоящие от Руси IX–XI вв. и территориально, и хронологически.

В «Повести временных лет» русы упоминаются в перечне скандинавских народов как раз вместо данов и фризов, а в интересующем нас договоре Игоря с греками, помимо скандинавской клятвы русов на оружии, присутствует типичная фризская формула, указывающая, что договор заключается на все время, «дондеже солнце сяеть и весь миръ стоять» [11], что позволяет отождествлять русов с фризскими данами.

Д.В. Пузанов признает, что ряд историков, например В.В. Долгов [12, с. 448] и А.И. Рисёй [13, р. 149], придерживается тех же взглядов на «жи-вое» оружие скандинавов, что и автор настоящей статьи. Хотим добавить, что нашу точку зрения разделяет в своей докторской диссертации и С. Брюнинг [14, 15].

Д.В. Пузанов отмечает, что А.И. Рисёй объединяет в одну группу оружие, лошадей и корабли, говоря о том, что в представлении скандинавов они обладали признаками живых существ. Тем не менее наш оппонент не видит, чтобы А.И. Рисёй приводила соответствующие примеры [2, с. 169].

А примеры она на самом деле все же привела, и все в той же статье, на которую ссылается Д.В. Пузанов. В «Песни о Вёлунде» речь идет о клятве, в которой упомянутые объекты объединены в одну категорию предметов – гарантов клятвы: «Сперва поклянись мне крепкой клятвой, *бортом ладьи и краем щита, конским хребтом и сталью меча...*». Также эти сущности объединяются в клятве Дага. В статье А.И. Рисёй дается множество ссылок на эти клятвы [13, р. 141, 142, 146, 148, 150].

Затем Д.В. Пузанов, приводя ссылки на авторов, отмечает, что, по мнению некоторых исследователей, словами об «иссечении» собственным оружием могут быть обозначены как обязательство принести себя в жертву в случае нарушения клятвы, так и смертный приговор, осуществляемый оружием казнимого, смерть от собственного оружия в поединке или быто-вой ситуации.

Но в таком случае непонятно, какую роль играют в клятве русов *щиты*. Их складывают на землю, чтобы не защититься ими при самоубийстве, при принесении себя в жертву или при падении на собственный меч? И какую роль в этом могли бы играть *стрелы*? Нарушители договора должны стрелять из луков сами в себя?

Далее Д.В. Пузанов признает, что оружие, *заклятое определенным образом*, должно было обладать некой мистической силой, но считает, что вовсе не обязательно, чтобы имело место нападение внезапно «ожившего» оружия на нарушителей договора [2, с. 170].

Не обязательно – как это понимать? То есть могло быть, а могло и не быть? Это уже шаг вперед к признанию возможности того, о чем мы писали в нашей статье [1]. Во-первых, в клятве русов, как мы уже отмечали выше, нигде не говорится о заклании мечей кем-либо (волшебниками, колдунами, волхвами?). Во-вторых, ясно определена роль щитов – «да не ущитятся щиты своими» (ПВЛ, с. 38), что предполагает попытку защиты именно при нападении «ожившего» оружия.

Д.В. Пузанов обращает внимание на то, что и в эпизоде «Саги о Ньяле» с «посечением» воинов их собственным оружием, и в клятве русов для защиты от «ожившего» при нарушении клятвы оружия используются щиты. Но дальше он отмечает, что из текста клятвы русов неясно, как именно мечи будут нападать на своих хозяев [2, с. 171].

Действительно, в клятве русов процедура «посечения» воина мечом не расписана детально, но разве это аргумент, чтобы отрицать веру скандинавов в нападение «ожившего» оружия на клятвопреступников?

Далее наш оппонент замечает, что ему представляется сомнительной попытка определить точный вид, который должно было принять магическое наказание за нарушение договора. Он считает, что она делается на основе грамматического анализа текста клятвы, который он, без всяких на то оснований, продолжает считать «заговорным текстом» [2, с. 170].

Но, во-первых, в договоре русов с греками сказано четко и недвусмысленно, что нарушители клятвы «да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будут мечи своими, от *стрѣль* и от иного оружья своего». И *повторно* сказано, что клятвопреступник (неважно, кто именно – христианин или язычник) «да заколенъ будетъ своимъ оружьемъ» (ПВЛ, с. 38). И при чем тут грамматические формы?

Если допустить, что клятвопреступников кто-то будет закалывать их же собственным оружием – а русов, заключавших договор, было множество! – то палачей также должно быть очень много, и преступников нужно еще поймать! Что очень маловероятно.

Еще как-то можно вообразить, что преступник упадет на свой меч, заколется своим мечом, обменяется оружием в поединке и погибнет от своего меча, но как представить подобную гибель от *стрел*? А ведь об этом сказано в клятве. Другое дело, если *стрелы*, как и *мечи*, *копья* и *другое оружие*, «оживут» и нападут на воинов, как это описано в «Саге о Ньяле» (ИС, с. 360).

По мнению С.Е. Брюнинг, наиболее убедительным доказательством того, что мечи у скандинавов являются одушевленными предметами, служит их способность действовать автономно, выполнять физические действия независимо от владельца [14, р. 93–96]. Кроме того, «мечи – не единственное «живое» оружие, наделенное свободой воли. В «Битве при Брунабурге» норманны и скотты *garum agieted* («были уничтожены копьями»)»³ [14, р. 196].

Оружью скандинавы приписывали такое свойство живых существ, как голос. С.Е. Брюнинг, изучив кеннинги, связанные с «живым» оружием, указывает, что скальд Гутхорм Синдри описывает сражение как «голос мечей» (*rödd hjörvar*). Также существовал кеннинг битвы «поющие мечи» (*söngr sverða*) [14, р. 190]. Кстати, в «Слове о полку Игореве» мы встречаем похожее выражение: «Копья поют!», при объяснении которого возникли затруднения [16, с. 519], но с учетом веры русов в «живое» оружие упомянутый кеннинг вполне понятен.

Во-вторых, Д.В. Пузанов, еще не доказав, что оружие нападает на своих владельцев вследствие колдовства или заклятия, неоднократно говорит о том, что рассматриваемый им текст клятвы трактуется как «заговорный» [2, с. 170]. Наш оппонент отмечает, что, согласно П.С. Стефановичу, оружие «оживает» вне воли Перуна (что подтверждает наши выводы), но затем ссылается на утверждение П.С. Стефановича о том, что складывание оружия на землю является магическим актом [2, с. 170].

Если допускать веру скандинавов в магические свойства «живого» оружия, например, в его способность «оживать» и нападать на преступника, то с тем, что

³ Здесь и далее перевод с английского наш, если не указано иное. – О.Г.

это магический акт, вполне можно согласиться. Но если рассматривать магию как следствие заклинаний и колдовства, то в тексте договора ни о каких заклѣтьях и магии в этом смысле речи не идет. А.А. Фетисов указывал, что происхождение клятвы связано с некими мифологическими и этнокультурными представлениями раннесредневекового варварского общества [7, с. 301].

Позиция Д.В. Пузанова не совсем понятна: с одной стороны, он признает, что предметы оружия у скандинавов имеют свои «биографии», совсем как *живые* существа, и что оружие могло быть гарантом клятвы; с другой стороны, он исключает возможность волшебного избияния нарушителей клятвы их собственным «ожившим» оружием без всяких заклѣтий [2, с. 170–171].

Д.В. Пузанов считает, что в «Саге о Ньяле» мы искусственно подводим под нарушение клятвы отступничество от христианской веры [1, с. 241–242]. Чтобы понять нашу позицию, нужно учесть то практическое отношение скандинавов к богам и их помощи в делах и в битве, о котором мы упоминали выше: от божества ожидали помощь. С ним как бы заключали *договор* и, выполняя свою часть *договора*, принося ему жертвы и молитвы, ожидали от бога (от языческого божества скандинавского пантеона или от Белого Христа) выполнения его части договора – победы и защиты в бою, поддержки в жизни, а также удачи в делах.

Этим объясняется и многобожие скандинавов, ибо каждое божество скандинавского пантеона отвечало за свою область деятельности, в которой оказывало помощь человеку. И выбор между скандинавскими богами и Христом определялся тем, кто из них, в понимании скандинавов, был более могущественным и способным принести победу в бою и обеспечить защиту.

В случае невыполнения божеством своей части условного *договора* скандинав считал отношения расторгнутыми, как об этом рассказано в «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра». После того как враги сожгли капище и убили коня, посвященного Фрейру, а последний не защитил Храфнкеля и никак не наказал преступников, Храфнкель отказывается от веры в богов и договора с ними: «Он сдержал слово и больше никогда не совершал жертвоприношений» (ИС, с. 38).

Когда вследствие объединения земель под властью могущественных конунгов появилось много потерявших свою собственность людей, оставшихся без божественной помощи и защиты, выросло и количество безбожников, разорвавших свой договор с богами [17, р. 263–268].

Далее, когда речь идет о ниде, который произнес Торлейв Ярлов Скальд, Д.В. Пузанов формально прав [2, с. 171]. Оружие «ожило» и напало волшебным образом на своих владельцев после произнесения Торлейвом хулительной песни. Здесь есть заклѣтие и произносящий его актер.

Однако истинная причина того, что Торлейв произнес нид, направленный против ярла Хакона, – нарушение ярлом торгового мира. У скандинавов существовали понятия «немирья» (*úfriðr*), «мира» (*friðr*) и «торгового мира» (*kaupfriðr*) [18, с. 81]. «Немирье» означало, что хотя между правителями и нет прямой войны, но отношения враждебные: торговец едет в чужую страну на свой страх и риск и может потерять не только имущество, но и жизнь.

Между тем, если между странами нет «немирья» и существуют отношения «торгового мира», то никто не может безнаказанно ограбить или убить торговца.

Ярл, убив спутников Торлейва и ограбив его самого, нарушил условия торгового мира – условный мирный договор между правителем и посещающими его страну торговцами.

Д.В. Пузанов, говоря о приведенных нами примерах из «Саги о Ньяле» и «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде» [1, с. 242], считает, что в них показаны различные контексты, в которых «ожившее» оружие может причинить вред своим хозяевам. Но тут же делает непонятное нам заключение о том, что «живые» скандинавские мечи на поверку оказываются *не такими уж и живыми* [2, с. 172]. То есть как это понять? Они «живые», но при этом и не очень «живые»? Но оставим в стороне это выражение рецензента, посчитав его просто неудачно сформулированным. Признавая наличие у оружия скандинавов «биографий», как у живых существ, Д.В. Пузанов здесь противоречит сам себе.

Е. Дэвидсон, например, считает, что найденные в скандинавских погребениях сломанные мечи означают, что их хотели «убить», чтобы они сопровождали владельца в загробный мир [19, с. 10–11]. В описаниях скандинавских сражений речь идет о *битве оружия*, а не людей с оружием. Так, в англо-саксонском эпосе «Беовульф» Хигелак погибает, «мечами иссеченный» (Б., с. 177). Но в оригинале здесь стоит слово *hiorodryncum*, что С. Хини в своем переводе «Беовульфа» перевел таким образом: меч «удовлетворил жажду», напившись крови Хигелака [14, р. 196]. Д.В. Пузанов упоминает статью А.И. Рисёй и дает на нее ссылки, игнорируя тем не менее то, что она говорит именно о договорах русов с греками и клятве на оружии. Эту важную цитату необходимо привести, чтобы понять реальную позицию историка: «Я нахожу аргумент Грундтвика убедительным; если человек нарушил свое обещание, которое было скреплено клятвой, принесенной на священных предметах, то они покарают его за совершенный проступок... Эта мысль хорошо прослеживается в договоре от 945 г. между Русью и греками. Если Русь нарушит договор, «да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут они вечными рабами». Такие формулировки показывают, что в дохристианские времена люди действительно верили, что решающая роль в восстановлении справедливости переходит в конечном счете от объекта к субъекту, поскольку предметы, которые используются во время произнесения клятвы, могут пробудиться к жизни и отомстить клятвопреступнику. Таким образом, граница между живой и неживой материей стирается» [13, р. 148].

Таким образом, А.И. Рисёй совершенно недвусмысленно подтверждает наши взгляды на «оживающее» оружие. Это становится очевидным при внимательном чтении текста договора.

Приведем здесь также в подтверждение своих взглядов цитаты из докторской диссертации С.Е. Брюнинг, целиком посвященной данному вопросу. Исследователь рассматривает изображения на скандинавских рунических камнях и предметах, трактовка которых подтверждает нашу гипотезу об «оживающем» оружии [15, р. 438, fig. 38–40].

С.Е. Брюнинг показывает, что группа скандинавских и демонстрирующих скандинавское влияние изображений представляет мечи действующими без посредничества человека. Это относящийся к IX – X вв. рисунок с надгробного памятника (Киркби Хилл, Северный Йоркшир); рисунок XI в. на глыбе песча-

ника (Бускеруд, Норвегия) и – за географическими границами упомянутой диссертации – рисунок с декоративного топорика Андрея Боголюбского из Владимиро-Суздальской области (XI – XII вв.) (полностью он приведен в [20, р. 263]) (рис. 1–3).

Рис. 1. Рисунок на песчанике. Меч Сигурда Убийцы Фафнира, действующий отдельно от своего владельца. Бускеруд, Норвегия, IX в. [15, р. 438, fig. 38]

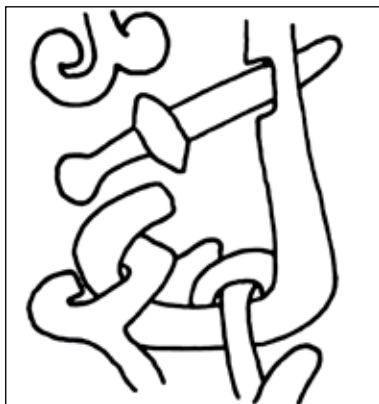

Рис. 2. Элемент рисунка на надгробье. Орнамент также изображает меч Сигурда Убийцы Фафнира, действующий независимо от своего владельца. Киркби Хилл, Северный Йоркшир, IX – X вв. [15, р. 438, fig. 39]

Рис. 3. Меч, самопроизвольно поражающий дракона. Орнамент с декоративного топорика из Владимиро-Суздальской области [20, р. 263, fig. 16]

Таким образом, помимо свидетельств источников, есть еще и свидетельства изобразительные, на которых представлены мечи, действующие без помощи че-

ловека. Действительно, изображений такого рода найдено немного, так же как и упоминаний об «оживающем» оружии, нападающем на своих владельцев, в скандинавских сагах. Тем не менее эти свидетельства существуют и говорят именно о том, что в скандинавской традиции мечи и другое оружие считались «живыми» существами, выступали гарантами мира и при нарушении клятвы или договора могли волшебным образом напасть на нарушителей клятвы.

В заключение еще раз хотим поблагодарить Д.В. Пузанова за критику и высказанные соображения, что помогает глубже продумать свои тезисы и найти более убедительные доказательства сформулированной гипотезы.

Источники

- ИС – Исландские саги: в 2 т. / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб.: Нева: Летний сад, 1999. Т. 2. 560 с.
- ПВЛ – Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 406 с.
- Б. – Беовульф / Пер. с др.-англ. В. Тихомирова. СПб.: Азбука-классика. 2005. 288 с.

Литература

1. Губарев О.Л. О клятвах русов и славян // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 239–245.
2. Пузанов Д.В. Насколько «живым» было оружие норманнов и русов? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. Т. 163, кн. 6. С. 168–178. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.6.168-178>.
3. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. 347 с.
4. Котляревский А.А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Прага: тип. К.Л. Клауди, 1874. 168 с.
5. Кулешов В.С. Золотые браслеты русов IX – XI вв.: тексты, вещи и функции // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь А. Песковой. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. С. 253–258. (Тр. Ин-та истории материальной культуры. Т. 48)
6. Мельникова Е.А. «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // *Средние века*. № 75 (3-4). 2014. С.176–192.
7. Фетисов А.А. Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. // Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М.: Вече, 2009. С. 295–314
8. Eriksen M.H. The powerful ring. Door rings, oath rings and the sacral place: Ch. 6 // *Viking Worlds: Things, Spaces and Movement* / Ed. by M.H. Eriksen, U. Pedersen, B. Rundberget, I. Axelsen, H.L. Berg. Oxford: Oxbow Books, 2014. P. 73–88. <https://doi.org/10.2307/j.ctvh1dgvk.10>.
9. Романчук А.А. Происхождение клятв русов «оружьем и обручьем»: славянские, германские и кельтские параллели // *Revista Arheologica, serie noua*. 2018. V. XIV, No 1. P. 93–107.
10. Karlin-Hayter P. “Swift Danes” // *Byzantion*. 1965. V. 35, No 1. P. 359.
11. Губарев О.Л. «Дондеже солнце съяет и весь миръ стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // *Valla*. 2017. Т. 3, № 3. С. 16–22.

12. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI – XIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 592 с.
13. Riisoy A.I. Performing oaths in eddic poetry: Viking Age fact or Medieval fiction? // J. North Atlantic. 2016. Spec. V. 8. P. 141–156. <https://doi.org/10.3721/037.002.sp811>.
14. Brunning S. The “living” sword in early medieval Northern Europe: An interdisciplinary study: PhD thesis: 2 V. London: Univ. Coll. London, 2013. V. 1: Thesis, appendices and bibliography. 406 p.
15. Brunning S. The “living” sword in early medieval Northern Europe: An interdisciplinary study: PhD thesis: 2 V. London: Univ. Coll. London, 2013. V. 2: Illustrative material. 500 p.
16. Творогов О.В. Примечания // Слово о полку Игореве. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 461–536.
17. Turville-Petre E.O.G. Myth and Religion of the North: The Religion of Ancient Scandinavia. Westport: Bloomsbury Publ. PLC, 1975. 340 p.
18. Мельникова Е.А. Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию // Рос. история. 2019. № 4. С. 66–81.
19. Ellis Davidson H.R. The Sword in Anglo-Saxon England: Its Archaeology and Literature. Oxford: Clarendon Press, 1962. 237 p.
20. Hamer A.J. Njáls Saga and Its Christian Background: A Study of Narrative Method. Leuven: Peeters, 2014. 292 p.

Поступила в редакцию 25.07.2023

Принята к публикации 25.09.2023

Губарев Олег Львович, колумнист

Газета «Троицкий вариант – Наука»

микрорайон «В», д. 52. г. Троицк (Субъект РФ Москва), 142191, Россия

E-mail: LvovichG@rambler.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 92–102

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023. 4-5.92-102

Further Discussion on the Oath of the Rus... (Responding to D.V. Puzanov)

O.L. Gubarev

“Troitskii Variant–Nauka” Newspaper, Troitsk, 142191 Russia

E-mail: LvovichG@rambler.ru

Received July 25, 2023; Accepted September 25, 2023

Abstract

This article is a response to the criticism by D.V. Puzanov. The main arguments and counterarguments are summarized. New evidence is provided in favor of the hypothesis that the oaths taken by the pagan Rus and the Greeks to ratify the agreements between them assumed that the oath breakers would be magically slayed by their own “animated” weapons. This is because the Scandinavians, including the Rus, believed that their weapons were “alive” and capable of “reviving” or “dying” regardless of the owner’s desire.

The images of the Scandinavian ornaments with “living” weapons acting independently of their owners are analyzed. Through a number of examples, the practical attitude of the Scandinavians to their faith is shown: they treated the gods as partners in a kind of agreement about divine help. References are provided to the historiographical sources that support the idea of animation of weapons in the Scandinavian and Rus cultures, in which weapons appeared as living creatures with their life paths and destinies, as well as capable of physical action, “reviving”, and “dying”.

Keywords: “living” weapon, nid, Rus, oath, violation of agreement, weapon’s attack on oath breakers

Figure Captions

Fig. 1. Carved standstone. The sword of Sigurðr, the Slayer of Fáfnir, acting autonomously. Buskerud, Norway, 9th c. [15, p. 438, Fig. 38].

Fig. 2. Part of the grave marker. Decorative ornament depicting the animated sword of Sigurðr, the Slayer of Fáfnir. Kirby Hill, North Yorkshire, 9–10 cc. [15, p. 438, Fig. 39].

Fig. 3. The sword piercing the dragon by itself. Ornament on the decorated Vladimir-Susdal axe [20, p. 263, Fig. 16].

References

1. Gubarev O.L. About the oaths of the Rus and Slavs. *Stratum plus*, 2013, no. 5, pp. 239–245. (In Russian)
2. Puzanov D.V. Were weapons of the Normans and Rus’ “alive”? *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 6, pp. 168–178. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.6.168-178>. (In Russian)
3. Kovalevskii A.P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii* [Ahmad ibn Fadlan’s Book about His Journey to the Volga Area in 921–922. Articles, Translations, and Commentaries]. Kharkiv, Izd. Khar’k. Univ., 1956. 347 p. (In Russian)
4. Kotlyarevskii A.A. *Drevnosti yuridicheskogo byta baltiiskih slavyan. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskogo prava* [Antiquities of the Legal Life of Baltic Slavs. An Attempt of Comparative Studies in Slavic Law]. Prague, Tip. K.L.Klaudi, 1874. 168 p. (In Russian)
5. Kuleshov V.S. Gold bracelets of the Rus people in the 9th–11th centuries: Texts, things, and functions. In: *V kamne i v bronze: Sb. st. v chest' A. Peskovoi* [In Stone and Bronze: A Collection of Articles in Honor of A. Peskova]. St. Petersburg, Nevskaya Kn. Tip., 2017, pp. 253–258. *Trudy Instituta Istorii Material'noi Kul'tury*, vol. 48. (In Russian)
6. Mel'nikova E.A. “Bracelets” of the unbaptized Russia in the Rus–Byzantine Treaty of 944 and the “oath rings” of the Old Norse legal tradition. *Srednie Veka*, 2014, no. 75 (3–4), pp. 176–192. (In Russian)
7. Fetisov A.A. Ritual content of the oath by weapons in the Rus–Byzantine treaties of the 10th century. In: Fetisov A.A., Shchhavelev A.S. *Vikingi. Mezhdru Skandinaviei i Rus'yu* [Vikings. Between Scandinavia and Rus]. Moscow, Veche, 2009, pp. 295–314. (In Russian)
8. Eriksen M.H. The powerful ring. Door rings, oath rings and the sacral place. In: Eriksen M.H., Pedersen U., Rundberget B., Axelsen I., Berg H.L. (Eds.) *Viking Worlds: Things, Spaces and Movement*. Ch. 6. Oxford, Oxbow Books, 2014, pp. 73–88. <https://doi.org/10.2307/j.ctvh1dgwk.10>.
9. Romanchuk A.A. The origin of the oaths sworn by the Rus on “weapons and bracelets”: Slavic, Germanic, and Celtic parallels. *Revista Arheologica, serie noua*, 2018, vol. XIV, no. 1, pp. 93–107. (In Russian)
10. Karlin-Hayter P. “Swift Danes”. *Byzantion*, 1965, vol. 35, no. 1, p. 359.
11. Gubarev O.L. “As long as the sun shines and the whole world stays” (a magic formula in the agreement between the Rus and the Greeks in 945). *Valla*, 2017, vol. 3, no. 3, pp. 16–22. (In Russian)
12. Dolgov V.V. *Byt i nravy Drevnei Rusi. Miry povsednevnosti XI – XIII vv.* [Everyday Life and Customs in Ancient Rus. The Worlds of Daily Routine in the 11th–13th Centuries]. St. Petersburg, Izd. Olega Abyshko, 2017. 592 p. (In Russian)
13. Riisoy A.I. Performing oaths in eddic poetry: Viking Age fact or Medieval fiction? *Journal of the North Atlantic*, 2016, spec. vol. 8, pp. 141–156. <https://doi.org/10.3721/037.002.sp811>.

14. Brunning S. The “living” sword in early medieval Northern Europe: An interdisciplinary study. *PhD Thesis*. Vol. 1: Thesis, appendices and bibliography London. Univ. Coll. London, 2013. 406 p.
15. Brunning S. The “living” sword in early medieval Northern Europe: An interdisciplinary study. *PhD Thesis*. Vol. 2: Illustrative material. London, Univ. Coll. London, 2013. 500 p.
16. Tvorogov O.V. Endnotes. In: *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor’s Campaign]. Leningrad, Sov. Pisatel’, 1967, pp. 461–536. (In Russian)
17. Turville-Petre E.O.G. *Myth and Religion of the North: The Religion of Ancient Scandinavia*. Westport, Bloomsbury Publ. PLC, 1975. 340 p.
18. Mel’nikova E.A. Scandinavians in Eastern Europe: From spontaneous flow to government regulation. *Rossiiskaya Istoriya*, 2019, no. 4, pp. 66–81. (In Russian)
19. Ellis Davidson H.R. *The Sword in Anglo-Saxon England: Its Archaeology and Literature*. Oxford, Clarendon Press, 1962. 237 p.
20. Hamer A.J. *Njáls Saga and Its Christian Background: A Study of Narrative Method*. Leuven, Peeters, 2014. 292 p.

⟨ **Для цитирования:** Губарев О.Л. И снова о клятве русов... (ответ Д.В. Пузанову) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4-5. С. 92–102. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.92-102> ⟩

⟨ **For citation:** Gubarev O.L. Further discussion on the oath of the Rus... (responding to D.V. Puzanov). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 92–102. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.92-102>. (In Russian) ⟩